

Николаева И. В.
«ИСТОРИИ» ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ БЕЛАРУСИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН
В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ

В комплексе документов по истории антигерманского сопротивления на временно оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг. отдельную группу представляют содержащиеся в фонде № 1450 Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) и учтенные по описи № 4 повествовательные источники, названные их составителями «историями» бригад и отрядов [1]. Это отчетные документы о деятельности партизанских формирований, оформленные после соединения с частями Красной Армии или выхода в советский тыл, в большинстве своем, весьма значительные по объему – как правило, не менее 50 страниц рукописного текста. При их написании использовались не только боевые листки, штабные документы, но и бригадные газеты, воспоминания участников. Разработанная оперативным отделом БШПД структура данного вида документов включает отдельный пункт под заголовком «Женщины и девушки-партизанки». В условиях отсутствия отложившихся компактно архивных источников, которые характеризуют участие женщин в партизанском движении, изучение «историй», безусловно, представляет интерес для исследователей.

«Истории партизанских соединений» были включены в утвержденный 31 марта 1944 г. П. 3. Калининским перечнем документов, предоставляемых БШПД, и должны были вестись систематически со дня организации партизанского соединения. Кроме сведений об организации и боевой деятельности бригад, в «истории» необходимо было включать и информацию о партийно-политической работе внутри партизанского формирования, быте, моральном состоянии личного состава, а также описание боевых заслуг партизан-героев. Составленные командным составом формирований по заданному уже в июле 1944 г. формуляру они, безусловно, требуют критического анализа, что не умоляет их информационного потенциала как повествовательных источников.

Материалы «историй» информативны с точки зрения традиционного исторического исследования. Так, в них представлена общая информация о личном составе из числа женщин: численность, занимаемые должности в партизанских подразделениях. Например, они подтверждают тот факт, что из женщин в основном формировались партизанские кадры, предназначенные для бытового обслуживания личного состава отрядов и бригад (кухарки, пекари, прачки, швеи и др.). В то же время анализ «историй» партизанских формирований, действовавших в разных регионах Беларуси, показывает, что к выполнению работ по хозяйственно-бытовому обслуживанию партизанских лагерей повсеместно широко привлекались рядовые партизанки. Рассматриваемые архивные материалы также представляют собой источник персональной информации о женщинах-участницах партизанского движения (конкретные примеры деятельности отдельных партизанок, имена и фамилии женщин и девушек, представленных к награждению).

Кроме того, данные источники интересны в плане использования их для реконструкции различных аспектов партизанской повседневной действительности (условия проживания, рацион питания, обеспечение одеждой, личная гигиена и т. д.) и показа обратной стороны жизни женщин-партизанок – каждодневной борьбы за выживание. Наблюдающийся в настоящее время всплеск в изучении истории повседневности сопровождается поиском репрезентативной источниковой базы и превращает, на наш взгляд, «истории» в ценный исторический источник.

Вместе с тем, рассматриваемые источники – это и вид исторического свидетельства, отличительной особенностью которого, несмотря на его официальное происхождение, одновременно является субъективно-личный характер. И хотя в основу историй положены дневниковые записи, что велось на протяжении деятельности соответствующих формирований, в то же время нельзя не учитывать, что для них характерен хронологический разрыв между временем создания и временем, когда происходили описываемые события. Поскольку они представляют собой позднейшее изложение истории партизанского формирования конкретному официальному адресату, для нас важно, что каждый составитель такой «истории», очевидно, заполнял формуляр в соответствии со своими представлениями о необходимой и идеологически правильной, или, по крайней мере, допустимой информации о деятельности бригады и оценке участия в ней женщин-партизанок.

Обобщая эту информацию, можно выделить характерные суждения о роли и месте женщин и девушек в партизанском движении и проанализировать закономерности восприятия женщин-партизанок мужчинами, разделившими с ними все тяготы суровой жизни в партизанском отряде. И здесь представленные материалы свидетельствуют о расхождении рационально сконструированных авторами «историй» образов партизанок, которые «наравне с мужчинами участвовали в боях и походах», и описываемых реальных повседневных практик. Очевидно стремление авторов придерживаться официального представления о женском вкладе в партизанскую борьбу партийного и

партизанского руководства, которое, как свидетельствует соответствующая информационная и отчетная документация, постоянно держало на контроле проблему, связанную с «недооценкой роли женщин в партизанской борьбе».

Таким образом, «истории» партизанских формирований, действовавших на временно оккупированной территории Беларуси, представляют интерес для изучения участия женщин в партизанском движении. Вместе с тем, учитывая специфику данных партизанских материалов, для получения объективной картины их целесообразно использовать в комплексе с другими источниками.

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 4.

Згірскі Ю. І.

ПРАКТЫКА ВЫКАРЫСТАННЯ ФОТАЗДЫМКАЎ ПРЫ АНАЛІЗЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ВУСНАЙ ГІСТОРЫІ НА ПРЫКЛАДЗЕ ДАСЛЕДАВАННЯ БІЯГРАФІІ ЖАЎНЕРА ВОЙСКА ПОЛЬСКАГА З 1939 ПА 1954 ГОД

Наратывы сведкаў гістарычных падзей, як і мемуары, праз спецыфічнасць чалавечай памяці, маюць суб'ектыўны характар, таму іх трэба выкарыстоўваць у сукупнасці з іншымі гістарычнымі крыніцамі. Акрамя, архіўных дакументаў, дапоўніць інфармацыю, атрыманую пры аналізе матэрыялаў вуснай гісторыі, дазваляюць фотаматэрыялы. Асабліва карысным выкарыстанне дадзенай групы крыніц з'яўляецца пры даследаванні біяграфіі таго ці іншага чалавека. У дадзеным артыкуле спалучэнне матэрыялаў вуснай гісторыі і аналіза фотакартак з сямейнага архіва будзе прадэманстравана на прыкладзе вывучэння біяграфіі жаўнера польскага войска – Палячонка Сцяпана Пятровіча (гады жыцця: 1911–1975 гг.), які нарадзіўся і пражываў у вёсцы Дубавое Докшыцкай гміны Дзвіннскага павета. У міжваенны перыяд гэта была тэрыторыя польска-савецкага памежжа [1]. У якасці асноўных крыніц былі выкарыстаны ўспаміны дачкі Сіндрэвіч (Палячонак) Зінаіды Сцяпанаўны пра свайго бацьку, а таксама фотакарткі з сямейнага архіва за перыяд з 1939 па 1951 год.

Паводле ўспамінаў Сіндрэвіч Зінаіды Сцяпанаўны вынікае, што яе бацьку прызвалі ў Войска Польскае ў самым пачатку II Сусветнай вайны:

“Іх во... у Польшу (шчы). Вот чаго іх прызвалі? Таму што там немцы напалі. З іх зрабілі тую там, армію, і яго адправілі... дзе ён ваяваў, якім месцам, я ня ведаю, патаму што я не цікавілася. А тады ж немец іх там разбіў. І гэтыя людзі.., а тут гэтыя тэрыторыі вассадзінілася ў Беларусь. І так аказалася што тут сем'я, а людзі ні там.. яны не іхныя, не палякі, не беларусы, ні якія... [прабел], а так, пасадзіліся ў паязды, і вот яны туды без вінтовак, без нічога паехалі ў Брэст. А з іх так і так казалі: Вы ваеннапленныя. І ніхто іх дамоў не пусьціў” [2].

Зінаіда Сцяпанаўна ўскосна ўзгадвае прыкладную дату мабілізацыі – 1939 год. Дадатковыя звесткі паказваюць, што Сцяпан Пятровіч Палячонак не паспеў прыняць удзел у баях, так як быў узяты ў палон савецкімі вайскоўцамі пасля 15 верасня 1939 года. Аналіз дадзенага наратыву дазваляе сцвярджаць, што Сцяпан Пятровіч выправіўся ў войска без часу наборы, што сведчыць аб яго мабілізацыі паміж канцом жніўня – пачаткам верасня 1939 года.

Апошняя абвяргаецца наяўнасцю фатаздымкаў, зробленых Сцяпанам Пятровічам у перыяд мабілізацыі. Перыяд, агучаны ў наратыве, можна ахарактарызаваць як “паскораную мабілізацыю”, што стварала пэўныя перашкоды для стварэння фота, прадстаўленых ніжэй (фота 1, фота 2).

Фота 1 з'яўляецца больш афіцыйным, хутчэй за ўсё для дакументаў, але наяўнасць ва ўласным карыстанні дазваляе сцвярджаць аб тым, што фота было зроблена ў студыі і без спешкі. Сцяпан Пятровіч Палячонак на дадзеным фатаздымку апрануты ў форму Войска Польскага міжваеннага перыяду. Паводле знакаў адрознення вайсковых, можна зрабіць выснову аб мабілізацыі Сцяпана Пятровіча Палячонка ў Войска Польскае ў званні радавога. Чорна-белы фармат фота не дазваляе вызначыць род войскаў па знешніх прыкметах, але наяўнасць знакаў вайсковых дазваляе сцвярджаць, што ў войску Сцяпан Пятровіч быў больш чым месяц (так як падобныя знакі атрымоўваюць падчас падрыхтоўкі вайсковага саставу, на што неабходны час, якога ў жніўні-верасні 1939 года ў Польшчы не было.

Ва ўспамінах Зінаіды Сцяпанаўны Сіндрэвіч, а таксама на адвароце фота, не адзначана асоба саслужбоўца. Паводле знешніх прыкмет, чалавек таксама быў залічана ў рады выклад Войска Польскага і, магчыма, быў аднавяскоўцам Сцяпана Пятровіча Палячонка. Як было адзначана вышэй, Палячонак С. П. ня мог быць прызваны ў войска ў канцы жніўня 1939 г., так як тагачасныя рэаліі не былі спрыяльнымі для фатаграфавання нефармальнага (фота зроблена ў студыі для ўласнага выкарыстання). Магчыма, ён быў мабілізаваны ў канцы сакавіка пачатку красавіка 1939 г. у межах плана “Захад”, зацверджанага 22 сакавіка 1939 г. Галоўнакамандуючым Войска Польскага Э. Рыдз-Смыглы і пачаткам таемнай мабілізацыі, пачатай Галоўным штабам Войска Польскага 23 сакавіка 1939 г.